

8 Россия БЛОКО

Страстное желание порвать пути мертвящей системы двигало героями и актерами первых американских постановок HAIR, когда они раздевались на сцене. Интересно, что это означает в России 99-го?

СЕРГЕЙ БАБЕНКО

Влад ТУПИКИН

Кажется, широкую советскую общественность познакомил с феноменом андерграунда, к которому в полный рост принадлежат и хиппи, Сергей Соловьев, режиссер фильма АССА, попытавшийся подать к столу нации торт "Прага", выпеченный из перегнойной контркультуры. Помните праведный гнев и сопереживание кинозрителей, когда дяденька милиционер обращался к Бананану с циничным предложением: "Серьгуними!" И ту щемящую тоску, когда того же Бананана убивали на заднем сиденье авто грубые преступники, а труп выбрасывали в море, замерзающее море Южного берега Крыма?

Вот примерно такие же чувства, наверное, испытывали молодые американцы конца 60-х, впервые смотревшие "революционный" рок-мюзикл ВОЛОСЫ. В котором столько всего про свободную любовь-морковь, наступающую прекрасную эпоху Водолея (это типа такого мистического коммунизма), ненасильственное снятие конфликта отцов-детей и пр., но в конце которого, несмотря на все демонстрации протеста, сжигание армейских повесток и даже приподнимание над землей здания минобороны способом коллективной медитации, главного героя все равно отправляют в джунгли Вьетнама (это такая американская Чечня и Таджикистан в одном флаконе) и там убивают. А что же ему, дурашке, бывшему дисциплинированному отличнику, побоявшемуся сжечь повестку, подобно уличным бунтарям-хиппи, еще и светило в чужом краю? Праведный меч Вьет Конга обрушился на его стриженую глупую головку. In Memoriam (что означает — Вечная память!).

К чему я все это на фоне ставшего неизменным "задником" теленовостей силуэта недружелюбных гор Кавказа, бравых ликов суровых генералов и тщательно скрывааемых потерь российской армии в Чечне?

Нашелся человек (и этот человек зовется — кроме шуток! — Стас Намин), который взял, да и потратил

Волосы

200 тыс. долларов на постановку в сумрачной России 99-го музыкальной пьесы, рисующей жизнь того самого, якобы беспечного поколения американских волосатых, боровшихся против денег, войны и семейно-религиозного ханжества. Речь там о другой, не-нынешней Америке, — Америке со всеобщим призывом и всеобщим убоем (впятеро больше укатали под землю своих солдат, чем "наши" в Афганистане, а уж об убитых вьетнамцах, лаосцах и камбоджийцах лучше и не вспоминать!), с практикой судебных приговоров

"Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо!" — чем не хипповская песня?

СЕРГЕЙ БАБЕНКО

без определенного срока (это значит — на усмотрение администрации тюрьмы!), с массовым отстрелом политиков первого эшелона (а не второго-третьего, как покамест у нас) и прочими радостями наглого империализма, еще не потрепанного победившей/проигравшей революцией цветов.

Мы этого всего, разумеется, про Америку не знаем. Поэтому смотрим спектакль позевывая, отмечая неловкости перевода (зачем Стасу понадобились, кроме показавшей класс Умки, еще каких-то три переводчика?), неловкости хорового и индивидуального пения (кое-кто из актеров, чуть ли не половина, набраны нынешним летом на Арбате, прямо среди тамошних хипанов), неловкости актуализации (мертвое тело несчастного хиппи накрывают российским "матрасным" флагом, а не американским звездно-полосатым; генерал командует: "Грозный! Поход! Шагом марш!") и общее несоответствие сценических движений актеров духу 60-70-х...

Но полноте! Стас Намин, конечно, персонаж до некоторой степени одиозный: бывший "официальный советский хиппи", разрешенный рок-музыкант и родственник "вечного" Анастаса Микояна, в хайрах и клешах посещавший закрытые просмотры после церемонии вручения Ленинских премий... Но вот ведь какая штука: именно он создал на излете советской эры радиостанцию, которую до сих пор с придыханием вспоминают все настоящие ценители музыки рок. И именно он сейчас сказал то слово о войне и мире, которое в российском образованном обществе всегда принято было ожидать от писателей, да с театральными подмостков.

А кто еще на новенького, дорогие товарищи мастера культуры?

Вопрос "С кем вы?" даже и не задаю, ибо ответ известен: "С теми, кто платит". И хорошо, что Стас Намин, чисто по-буржуазному, оплатил свой патлатый, сединами на висках, но все же таки — протест.

o

Новый русский реализм

Владимир Березин, "Свидетель"; "Знамя", № 7, 1998
Антон Уткин, "Самоучки"; "Новый мир", № 12, 1998
Эргали Гер, "Дар слова"; "Знамя", № 1, 1999

Ник СМИРНОВ

Любая эпоха хочет быть выражена. Это во-первых. Усталость от постмодерна, плавно переходящая в раздражение — это во-вторых; никакие изыски не могут отменить потребности в книгах, отражающих реальную жизнь без особых сложностей. И без штампов масслиты — это уже в-третьих.

Такие книги в России новейшего времени уже есть (см. анонс). Сейчас можно сказать, что зачатки "новой русской" литературы характеризуются общностью не только материала, но и формальных признаков. Вот мы как раз об этом.

Все три книги можно связно пересказать; не хочется этим заниматься, главным образом, потому, что ощущения законченности сюжета не дает ни одна из них, несмотря на гибель персонажа в конце (везде). Тотальная война подразумевает обязательное появление за границами повествования преемника или более удачливого конкурента с тем же,

скорее всего, концом карьеры: круговорот крови в природе. Другие придут, сменив уют.

Переключить выпуски новостей по количеству трупов уже невозможно. Смерть становится такой же приметой стиля, какой для соцреализма были колхозные будни. В каждом конкретном литературном случае она перестала быть событием. Возможно, этим объясняется интонационная доминанта всех книг: констатация. У Березина это выражено уже в заглавии, да и весь дальнейший текст усеян навязчивыми напоминаниями о статусе лирического героя. Желание действовать выявляется в нем только с решением убить убийцу любимой женщины. Он не успеет: мистического авторитета Чашина, который на протяжении всего романа вершит его судьбу (хочет склонить к сотрудничеству — не пряником, так кнутом), взорвет до него. И хотя в двух других романах взрывы происходят "при читателе", воспринимаются они в некоем режиме отключенного звука. Дело здесь, скорее всего, в эффекте ожидания: не то чтобы каждого есть за что убить, а у каждого есть повод погибнуть. "По уму, наверное, надо было разостлать ветошь и осмотреть днище, но глуповато как-то это выглядело бы на стоянке у ЛИС'Са, да и ребята

жаждали". (Э.Гер) Не хотевший выглядеть глупо будет выглядеть трупом. Кто ж тебе виноват, что ребята тебя уже не дождутся.

Стоянка у ЛИС'Са, фильмы Тарантино, черные металлические двери белых пластмассовых офисов — реалии неисчислимы и узнаваемы, видимо, всеми, кто может эти книжки прочитать. Их обилие вводит автора (Э.Гера, например) в непреодолимое искушение: нанизать как можно больше подробностей, даже в ущерб сюжету; детали отчасти перетягивают на себя центр тяжести текста. Сладострастное описание карточной игры между нуворишем и вором в законе в "Даре слова" создает хорошее напряжение в тексте — но, к сожалению, никак не характеризует персонажей, не двигает сюжет и не решает проблему содержательного характера.

Главной из которых, конечно, пытается стать человечность — а чего еще можно ждать от русского реализма? Лейтмотив — нечто вроде: "новые русские тоже люди". Главные герои "Дара слова" — дочь разбогатевшей барыни в стиле 90-х и компаньон настоящего бизнесмена — просто умеют находить смысл жизни в душевных разговорах по телефону. Студент, герой "Самоучек", в перерывах между приступами писания

диплома пересказывает другу-крутому содержание произведений русской классики. И все эти люди, надо сказать, вполне симпатичны, если не задумываться об источниках их богатства, вроде ненавязчивой торговли наркотиками. Только "свидетель" Березина испытывает мощнейший диссонанс с "овальными" молодыми людьми в спортивной одежде; для преодоления его нужна всего-навсего упомянутая решимость убить. "Садясь в машину, я оглянулся и увидел свое отражение в витрине. На меня глядел невысокий овальный человек в спортивной куртке". И это, пожалуй, единственный случай, когда в тексте появляется некое подобие катарсиса. Тут же, впрочем, компенсирующееся идеей справедливого возмездия.

Литература советского времени, соцреализм или андерграунд, неважно, могла существовать потому, что было примерно понятно, что делать с окружающей жизнью. С жизнью новой никто еще, по гамбургскому счету, не разобрался. Просто ругать бандитов и иже с ними — пошловато; просто хвалить — вроде не за что. Приметы времени реальные, люди — натуральны, действия их чисто конкретны. Попытки литературы — робки.

o

<p>Учредитель: Объединение ЯБЛОКО Газета зарегистрирована в Госкомитете РФ по печати. Рег. свидетельство № 015576</p> <p>Главный редактор Сергей Качеров Ответственный редактор номера Андрей Липской</p>	<p>Пишите: Москва, ул. Новый Арбат, 21 Звоните: тел./факс (095) 202-80-72 E-mail: givi@rinet.ru</p> <p>При перепечатке ссылка на «ЯБЛОКО России» обязательна</p>	<p>Читайте интернет-версию газеты на сервере Объединения ЯБЛОКО www.yabloko.ru</p> <p>Редакция не имеет возможности возвращать рукописи и печатать все письма читателей</p>	<p>Концепт-макет Михаила Златковского</p> <p>Над номером работали: Владимир Володин, Ирина Крылова, Михаил Рыбьянов, Влад Тупикин, Ник Смирнов, Карина Черняева</p>	<p>Номер сверстан в ООО РИЦ "Не спаты"</p> <p>Отпечатано с готовых оригинал-макетов в ЗАО "Красногорская типография"</p> <p>Тираж - 500 000 экз.</p>	<p>Объем - 2 печ. л.</p> <p>Номер подписан в печать 18 ноября 1999 года</p> <p>Заказ №</p>
--	--	---	---	--	--

